

Виктор ПРИТУЛА

Здам себе риторический вопрос — поэтами рождаются или становятся? Тот же вопрос можно отнести ко всякому другому творцу — художнику, музыканту, актеру и так далее. Я бы ответил на него так, сначала рождаются, взрослея становятся. Но сначала рождаются, и в этом великая тайна и секрет гения, будь то Моцарт, Пушкин или Есенин с Маяковским.

Конечно, можно научить слагать стихи, обучить рифме и стихотворному размеру — хорею и ямбу, дактилю и анапесту — только вот поэтом от этих знаний не станешь.

К чему столь пространная преамбула, если вопрос был задан риторический? Однако в случае с Дмитрием Мизгулиным — ответ напрашивается неоднозначный. Сам поэт отвечает на него так:

*«И споры продолжаются,
И мнения не сходятся —
Поэтами рождаются?
А может быть, становятся?
Не все мечты сбываются...
Не все дороги сходятся...
Поэтами рождаются,
Но не всегда становятся.»*

Точнее не ответишь! Для Мизгулина поэзия — состояние души. Передо мной — три замечательно изданных и великолепно оформленных тома «Избранного», т.е.

До избрания Горбачёва генсеком ещё два года. Это что? Просто фронтёрство или предвидение пришествия «прорабов перестройки»?

Именно в эти годы у молодого поэта происходит обращение в сторону гражданской лирики, когда фетовские «Шёпот, робкое дыханье...» сменяются взрослыми:

*«Дай Бог тебе сильных врагов,
Которые злы и умны,
И пусть не тревожит их снов
Досадное чувство вины.»*

*Быстрее не будешь идти,
Дорога не станет легка,
Когда одолеешь в пути
Какого-нибудь дурака.»*

Чем тебе не Франсуа Вийон? Дерзко! Задорно!

Виршплётом — вполне возможно, а вот поэтом никак! Потому что поэзия — это состояние души, которое независимо от тебя выплескивается лирикой, стихотворной строкой, рождённой в минуты каких-то внутренних потрясений.

Не станем высокопарно рассуждать о музах. Пушкин вложил в уста книготорговца циничное: «Не продаётся вдохновение, но можно рукопись продать». Высоцкий дополнил: «Меня сегодня Муза посетила, немного посидела и ушла».

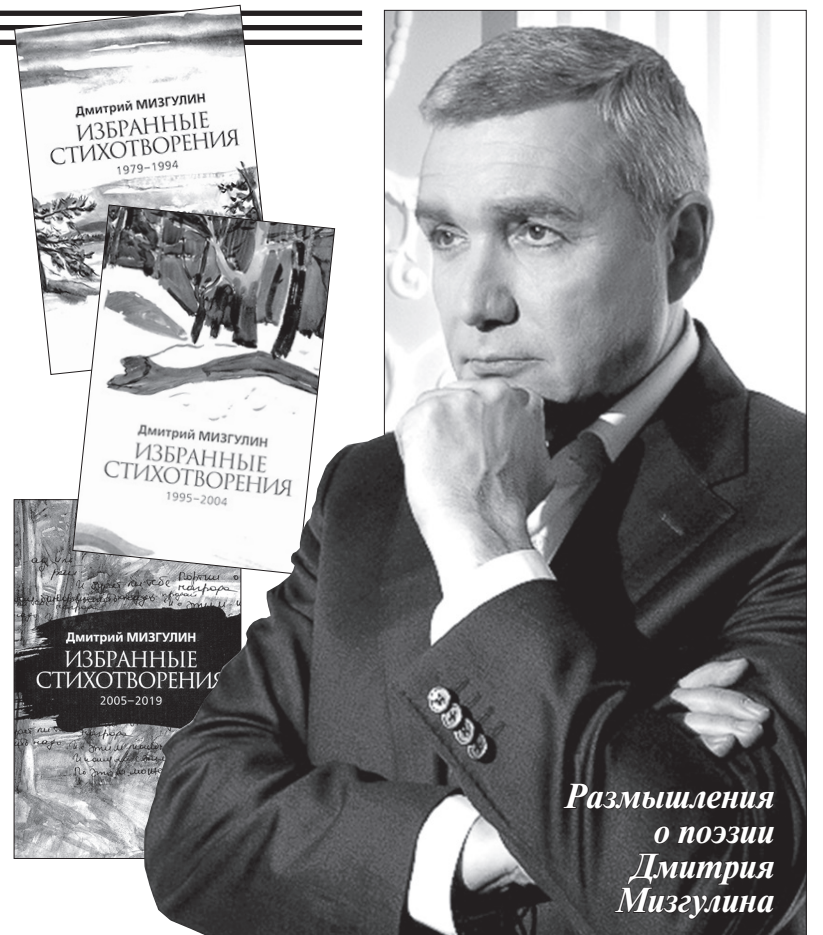
*Лист осиновый кровью облит,
И куда нам от этого деться.»*

Трагедия страны уже не столько в историческом беспамятстве, сколько в социальном тупике, куда её загнали «тролли катастрофы».

*«Россия пьёт запоем, тяжело,
Как женщина, с надрывом,
Безнадёжно,
С протяжным плачем,
Будто бы назло,
И, кажется, спасенье невозможно.»*

Дмитрий Мизгулин — поэт, который в отличие от Мандельштама живёт, «под собою чужа страну», живёт её болями, трагедией наступившего к вящей радости «друга Билла» безвременья.

*«Надежда умерла
А мы живём.»*

Размышления
о поэзии
Дмитрия
Мизгулина

ЛИРИК ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

самого достойного из созданного, по мнению самого автора. Я бы назвал этот трёхтомник — лирикой во времени и пространстве.

Дмитрий Мизгулин родился в Мурманске — незамерзающем порту за Полярным кругом. А дальше ...

В «Избранном» юношеские стихи не представлены, очевидно, поэт не счёл первые опыты достойными печати. Зато студенческие годы в Ленинграде отмечены очень тонкими лирическими зарисовками:

*«Вода в Неве — чернее сажки.
Склонившиеся фонари
Стоят как будто бы на страже
Порывов первых волн зари.»*

*Вода в Неве — чернее сажки,
а небо синее — без звёзд,
Неона свет бледнее слёз,
Пролитых кем-то над пролажей.»*

Мне кажется, что в эти годы ленинградский студент был в плену лирики Блока. Приведенные выше ранние стихи Мизгулина явно несут на себе отпечатки знаменитого блокавского «Ночь, улица, фонарь, аптека»... Фонари фонарями, а у нашего лирического героя, похоже, любовная драма, но насколько всё здесь сказано так пронзительно и так некричаще:

*«Наступила пора прощаний,
Наступила пора прощаний,
Неисполненных обещаний,
Неудавшихся воскрешений.»*

*Неизвестно, какие утраты
Нам ещё предстоят в пути.
Даже если ты виновата,
Всё равно говори: «Прости...»*

А спустя два года в 1983-м, когда престарелый генсек умер, а другой смертельно больной умирал, поэт, которому ещё не исполнилось и 22 лет, пишет не возрасту мудрые и горькие строки:

*«Если б Иуда не сторговался,
Если б дороже просил за Христа,
Верно, другой бы апостол продался,
Совесть Иуды была бы чиста.
Стал бы Иуда великим святым,
Благообразным, честным, седым.
Он бы судил нас, строго взирая,
Властно звенел бы ключами от рая,
Если б не сторговался тогда...»*

Ан, нет! Поэт имел в виду ставшее фигурой речи гоголевское определение российских бед от дураков и дорог. Русскую словесность Мизгулин знает как «Отче наш».

Замечателен у него цикл невыходящих для каждого русского святых мест и адресов — Медный всадник, Исаакий, Мойка, Малый Невский Достоевского, тютчевский дом... Это время философской лирики.

Мизгулин всё больше осознает, что поэтами не всегда рождаются, но иногда становятся.

И всё же его Муза где-то на полях профессии финансиста. И здесь вовсе не некрасовское — «Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан». Здесь жизнь и судьба молодого человека на стыке «застоя» и «перестройки». Человека, ищущего себя в этом смятённом мире, где так легко потерять себя.

*«Хотел со всеми быть в ладу.
Да только нет со всеми лада.
Один несую свою беду —
Наверно, это так и надо.»*

Но спасает состояние души. Поэзия и любовь.

*«В морозящем дожде вокзал.
Ты стоишь. Ты не прячешь взгляда.
Веришь, всё бы тебе отдал
Да тебе ничего не надо.»*

И совсем рядом жёсткие строфы: *«Я жил, не боясь расставаний,
злословий, измен.
Я жил без любви и без денег,
не веря в приметы.»*

*Но видимо, нынче
настала пора перемен —
Не так, как обычно,
кончается тихое лето.»*

До ГКЧП ещё шесть лет. Откуда такое предчувствие разлома эпох? Может быть, уже тогда он ощутил историческое беспамятство, завуалированное псевдоисторическим лжезнайством, с которого начнется величайшее предательство Отечества.

*«Нелегко быть с эпохой на «ты».
В наше время — намного труднее.
Вдруг замру у тревожной черты,
У поросшей травой траншеи...»*

*Но как старые раны, болит
Наша память, и если взглянется,*

*Ни Родины. Ни памяти. Ни песен...
А ты твердишь,
что стало интересно,
Что жизнь идёт
как будто на подъём.»*

*Россия вся в витринах
и витринках.
Всё в розницу —
свобода, совесть, честь...
Но рады и застолью на поминках,
Поскольку можно выпить
и поест.»*

В этой горькой лирике выплеснута боль. Настоящая боль гражданина, скорбящего о трагедии своей Родины. А в это же время «Ну-воришки» отплясывают в кабаках под «два кусочка колбаски». Это шлягерное стихоблудство захлестнуло города и веси ельцинской России, в то время как настоящая поэзия выброшена на обочину погрязшей в бескультуре страны.

Мизгулин, достигший возраста Христа, обращается к философской лирике.

*«Стремись истину найти,
Во всем становишься мудрее.
А время после тридцати
Летит быстрее и быстрее...»*

Поэт не убегает от окружающей его действительности, не уходит во «внутреннюю эмиграцию». Но и не собирается подлаживаться под мейнстрим лжекумиров, лжепророков и лжеветий, число которых увеличивается в разы.

*«Живя в эпоху перемен.
Напрасно не ищи покоя,
Судьбой начертано другое —
Не попадись в позорный плен.»*

*Живя в эпоху перемен,
Старайся отойти от мира.
Держись подальше от кумира
На чьих устах смертельный тлен.»*

Как тут не вернуться к «Если б Иуда не сторговался...»? В свои 22 года поэт увидел то, что настигло страну 16 лет спустя. Так называемая «эпоха перемен» стала временем Антихриста.

*«Мы хороших не ждём новостей.
Катастроф стало больше,
пожаров.
Стало меньше хороших людей.»*

*Стало больше хороших товаров.
Стали меньше читать и писать.
Пить, пожалуй, — побольше,
чем прежде.»*

*И синее сомненья печать
На ещё не окрепшей надежде.»*

Настоящего поэта, которому беспритворно в этих проклятых «рычащих девяностых», отличает запредельная искренность. С одной стороны, в профессиональном плане у Мизгулина-финансиста «всё в шоколаде», с другой — душа поэта в полнейшем раздрае.

*«Друг мой, а что же делать мне,
Когда метель во мгле закружит,
когда вдруг сердце занедужит
В чужой, богатой стороне...»*

*Когда ты сам и сыт и пьян,
Когда в дому твоём достаток,
А всё вокруг — один упадок,
Во всём вокруг — один обман.»*

Но как обрести душевное спокойствие, когда «эпоха грядущего хама стучится настойчиво в дверь...»? Мизгулин в далёком Ханты-Мансийске (неподалеку от сыльного Меншикова в Берёзове) ищет свою дорогу к храму. Не ту показушную «дорогу к храму» из показушно-перестроечного фильма Тенгиза Абуладзе, — сразу же поднятую на флаг салонной образованщиной, а свою негромкую дорогу к храму, в котором можно укрыться «от будущих бед и потерь».

*«Молись — и Спаситель услышит,
Сомненья и страхи развеет.»*

*Покайся — и душу отпустит,
Во мраке развеется бес,
И с лёгкой неведомой грустью
Душа воспарит до небес.»*

Духовность поэзии Мизгулина, его поиски православного лада отнюдь не бегство от действительности, в которой бесы правят бал. У поэта чётко выраженная гражданская позиция неприятия «зомбоящика Пандоры».

*«Не включай телевизор, не стоит
Видеть это вселенский бардак,
Где мечтает весь мир
перестроить
Каждый третий учёный дурак.»*

Иногда поэта одолевают сомнения:

*«Пишу, пишу — а толку?
Заклятье над страной.
Дается легче волку
Общение с Луной.»*

Иногда захлестывает злость от царящего на просторах Отечества фарисейства псевдодемократии. И тогда рождаются «Выборы».

*«Праздник. Площадь. Балаганы.
Водка. Грязные стаканы.
И деиёвые закуски —
Человек гуляет русский.
Человек ль много надо?
Песни. Танцы до упада.»*

*Девки. Драки. Матюги —
Вот такие пироги...
Ну какой он безобразник,
Хулиган? Сегодня праздник!
Радость нынче для народа
И — да здравствует свобода!
Море водки. Море пива.
Человек мычит, счастливо
К выбору без лишних слов
Он теперь почти готов,
Знает он, едрёна мать,
за кого голосовать!»*

Это стихотворение с яркими фольклорными образами необычно. Поэт обращается к «карнавальным традициям народной культуры». Вот только вместо смеха (по М.М. Бахтину) у Дмитрия Мизгулина «плач», характерный для литературы Древней Руси. И в то же время это потрясающе точная зарисовка с натуры.

О поэзии Мизгулина написано немало статей известных литературных критиков и собратьев по поэтическому цеху.

Автор этих заметок о лирике поэта не относится ни к первым, ни ко вторым. Он просто читатель хороших книг, с которыми всегда так трудно расставаться. Вот и с этим трёхтомником «Избранного» Большого поэта автору также очень трудно расставаться, поскольку путешествие по лирике Мизгулина во времени и пространстве — восторг открытия неизвестных мореплавателю островов. Однако размеры газетной полосы заставляют автора «наступить на горло своей песни» о поэте, который подарит нам ещё немало прекрасных строк.